Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи

Алексей Беглов

The reform of the Church education in 1808 and enslavement of the orthodox parishes in the Russian Empire

Aleksey Beglov

*(Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute))*

DOI: 10.31857/S086956870009262-9

К 1808 г. Комитет по усовершенствованию духовных училищ подготовил масштабную и, пожалуй, самую успешную реформу духовного образования в России. В ходе её проведения в последующие годы была создана трёхступенчатая система школ, сформированы центры богословской науки, отлажен строй учебных заведений, которые теперь охватывали всё «духовное юношество» и выпустили затем немало выдающихся церковных учёных и просвещённых иерархов¹. Однако именно это преобразование нанесло роковой удар по жизнеспособности православных приходов Российской империи, поставив под контроль вышестоящих властей приходские финансы и фактически ликвидировав самостоятельность религиозных общин. Эта сторона принятых тогда мер исследована недостаточно², хотя ещё в XIX в. отмечалось, что их значение выходило далеко за пределы образовательной сферы.

Реформа приходской экономики. Первоначально православные приходы на Руси возникали по инициативе мирян — членов крестьянской или посадской общины, вотчинников. Они строили храм и обеспечивали его содержание, выдвигали кандидатуры священно- и церковнослужителей. Они или их поверенные (старосты, «церковные прикащики») управляли приходским хозяйством. Со второй половины XVII в. церковные власти при поддержке государства

© 2020 г. А.Л. Беглов

¹ Смолитч И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 418—424, 449. О реформе см., например: Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Время Комиссии духовных училищ. К столетию духовно-учебной реформы 1808 года. Вильна, 1908; Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 53—60.

² См., в частности, их описание в фундаментальной и до сих пор непревзойдённой монографии: Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 103—106.

стали ограничивать автономию земского мира, стремясь поставить под свой контроль белое духовенство и приходские финансы³.

В 1721 г. Пётр I издал указ, вводивший церковную монополию на свечную торговлю и одновременно предписывавший на свечные деньги строить при храмах богадельни и содержать в них больных⁴. В 1723 г. кошельковые сборы, собиравшиеся в особые кошельки, которые носили по церкви во время богослужения, было предписано тратить не только «на церковные потребности», но и на богадельни и госпитали⁵. Однако эти нововведения не прижились. В 1740-е гг. прихожанам законодательно разрешили тратить часть свечного дохода на «самонужнейшие церковные строения», а в 1753 г. новый таможенный устав отменил церковную монополию на торговлю свечами⁶.

В александровское царствование, планируя реформу духовных училищ, правительство решило возложить бремя расходов по их содержанию на православные приходы. В 1806 г. высочайше утверждённым докладом Святейшего Синода светским лицам запрещалось «входить в распоряжение» церковными, храмовыми средствами. Теперь ими заведовало исключительно духовное начальство, а епархиальным архиереям предписывалось ежегодно присылать в Синод отчёты о данных суммах⁷.

В апреле 1808 г. была издана инструкция церковным старостам, по-новому регламентировавшая их деятельность. А в июне вышло предписание в течение шести месяцев отослать все капиталы, находившиеся в приходских церквях к 1 января 1808 г., в духовные консистории, которым следовало передать их на хранение в государственные кредитные учреждения. Официально, как несколько раз повторялось в указе, накопленные в приходах средства изымались «для хранения и приращения на пользу церкви», механизм передачи и документация, фиксировавшая их движение, тщательно регламентировались. В том числе была описана форма приходно-расходных книг, которые теперь надлежало вести в каждом приходе. При этом после отсылки приходских денег в консистории все церковные старосты переизбирались или выбирались впервые там, где их ранее не было (например, в помещичьих приходах), чем подчёркивался новый статус этой должности⁸.

26 июня 1808 г. Александр I утвердил доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ, в котором излагались принципы их преобразования и финансирования. Реализовать их поручалось Комиссии духовных училищ, в тот же день сменившей упразднённый Комитет⁹. Уже в августе вновь восстанавливалась монополия на продажу церковных свечей. Согласно утверждённому императором докладу Комиссии, торговать ими в розницу могли лишь приход-

³ Подробнее см.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV—XVII вв. СПб., 1913; *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913; *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908.

⁴ ПСЗ-И. Т. 6. № 3746.

⁵ Там же. Т. 7. № 4277.

⁶ Там же. Т. 12. № 9370; *Самарин Д.Ф.* Приход. Ч. 1. М., 1867. С. 49—50; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времён реформы Петра. Казань, 1873. С. 808—809.

⁷ ПСЗ-И. Т. 29. № 22283; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 24—25; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 803—805.

⁸ ПСЗ-И. Т. 30. № 23080; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 803—805.

⁹ ПСЗ-И. Т. 30. № 23122, 23124; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 24—25; *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 20—28.

ские церкви, а частным лицам разрешалось вести только оптовую торговлю¹⁰. Таким способом предполагалось увеличить свечной доход, который 7 октября Святейший Синод по представлению Комиссии запретил тратить на что-либо, кроме закупки свечей. Епархиальным архиереям предписывалось забрать из приходов и передать в государственные кредитные учреждения не только средства, накопленные к 1 января 1808 г., но и поступившие в течение года от продажи свечей (за исключением сумм, необходимых для закупки новых на 1809 г.). Летом 1809 г. Синод повторил данное распоряжение, сделав ежегодное изъятие свечного сбора правилом. И если ранее Комитет рекомендовал изъять у церкви *остатки* после осуществления необходимых расходов на содержание приходского храма, то теперь *весь* свечной доход передавался Комиссии, «имея своим назначением содержание духовных училищ»¹¹.

Реквизиция приходских средств, подобная секуляризации монастырских имений, прошедшей за 40 лет до этого, вызвала сопротивление прихожан всех состояний: помещиков, крестьян, горожан. Они стремились потратить деньги на нужды своей церкви или просто утаивали их. Однако гражданские власти напоминали им, что по указу 1806 г. миряне не имели права «входить в распоряжение» средствами храмов. Тем не менее размер недоимок был колоссален. Первоначально рассчитывали собрать за шесть месяцев 1808 г. около 4 млн руб., но и через три года удалось получить только 1 млн 220 тыс. руб., т.е. 30%. Взыскание спрятанных денег продолжалось до 1830-х гг., когда часть недоимок пришлось списать¹².

Инструкция церковным старостам 1808 г. Основным документом, регламентирующим жизнь православного прихода и обеспечивавшим епархии бесперебойное поступление сумм от продажи свечей, являлась Инструкция церковным старостам, действовавшая более 80 лет, до пересмотра в 1890 г.¹³ В 1890 г. вице-директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода И.К. Зинченко (1833—1901) писал в особой записке, составленной для К.П. Победоносцева: «Инструкция 1808 г., несмотря на свою кажущуюся незначительность в ряду других исторических документов, имеющих своим предметом церковное устройство, в судьбах православия на Руси имеет едва ли не большее значение, чем Духовный регламент и даже Изложение Большого московского собора 1667 года, так как последние законодательные акты касаются главным образом общей организации Церкви и её внутренних отношений, Инструкция же [церковны]м старостам касается внутренних, хозяйственных отношений прихода — этой, как справедливо называют его славянофилы, клетки церковного организма: малейшая неисправность в отправлении этих клеточек является большим органическим злом в жизни всей Церкви, слагающейся из этих клеточек»¹⁴.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 30. № 23254; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 808—809.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 30. № 23694; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 52; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 797—803.

¹² РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 36; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 34—37; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 805—808.

¹³ *Беглов А.Л.* Конформизм приходской реформы К.П. Победоносцева // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 107—123.

¹⁴ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 1а—1а об. Известный исследователям черновой, не законченный вариант записки Зинченко не подписан, поэтому первоначально рассматривался как анонимный (*Курыльский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной бла-

Инструкция состояла из 19 статей (семь из них с примечаниями)¹⁵. В ней устанавливалось, что староста — «поверенный прихожан церкви, выбранный из числа их, доверия достойный человек, для хранения и употребления церковных денег, и вообще для сохранения всякого церковного имущества» (ст. 1). С 1808 г. он должен был избираться (или переизбираться) прихожанами с согласия причта на три года (ст. 3). Выборы проходили в присутствии и «при посредстве» благочинного, а их результат утверждался архиереем (ст. 2). Судя по примечанию к ст. 2, благочинный рассматривался законодателями как третий судья, призванный «отвращать всякое пристрастие» между причтом и прихожанами.

На старосту Инструкцией возлагались хозяйственно-финансовые и отчасти контрольные функции: «в обыкновенное при священнослужении время» продавать, зажигать и гасить свечи, принимать приношения в виде денег, вещей или продуктов, следить за сохранностью церковного имущества и кассы, наблюдать за чистотой в храме (ст. 5, 7). С согласия настоятеля он мог иметь одного или нескольких помощников из «людей благонадёжных», которые занимались в том числе и продажей свечей, если старосте (например, купцу или дворянину) это было неудобно. Но ответственность за правильность всех операций лежала исключительно на старосте (примеч. к ст. 7). Он также должен был взимать плату за аренду «экономических церковных заведений» и «прилагать попечение о приращении доходов» храма (ст. 11). На него возлагались покупки нужных для церкви вещей, «подряды, починки, постройки», присмотр за домами для причта, но «не иначе как с предварительного согласия священнослужителей и почётнейших прихожан». Если же предвиделись «значущие издержки» или требовался ремонт внутри алтаря, разрешение испрашивалось у епископа (ст. 12—13). При этом ни способы выражения согласия прихожан, ни размер «значущих издержек» в инструкции не указывались. Зато ею подробно регулировался порядок отчётности, причём особо оговаривалось, что она должна вестись в присутствии священно- и церковнослужителей, которые «обязаны ответствовать за исправность» сделанных старостой записей (ст. 15, примеч. к ст. 15) в описи церковного имущества (ст. 5) и приходно-расходных книгах, ежемесячно проверяемых в присутствии причта и «почётнейших из прихожан, буде они от того не отрекутся» (ст. 9, 10)¹⁶. В конце года итоговая отчётная

готворительности: (1700—1917 годы) // Религии мира: История и современность. 2004. М., 2004. С. 175—176). Однако автор устанавливается вполне уверенно, поскольку в тексте упоминается о его работе над публикацией «Актов Холмогорской и Устюжской епархий» (РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 2а об.), а её подготовил именно Зинченко (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500—1699. СПб., 1890. С. XIII). Кроме того, автор записки пишет о царе как верховном ктиторе Русской Церкви, о чём говорилось и в статье «О нашем высшем церковном управлении», написанной Зинченко в апреле 1891 г. по поручению Победоносцева и подписанной инкогнитонимом «Z» (Алексева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. СПб., 2006. С. 102—103, 123).

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 30. № 22971; Инструкция церковным старостам, с присвокуплением всех вообще форм. М., 1847.

¹⁶ В некоторых епархиях такие поверенные отсутствовали вплоть до конца XIX в. См., в частности: Правила о порядке выбора представителей от прихожан для проверки церковных сумм, предложенные преосвященным викарием Подольской епархии епископом Димитрием и утверждённые преосвященнейшим Донатом, епископом Подольским и Брацлавским // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположе-

ведомость и приходно-расходные книги передавались старостой благочинному (ст. 17).

Во всех своих действиях староста подлежал контролю со стороны причта и благочинного (ст. 16), которому, как и архиерею, клирики могли жаловаться, если обнаруживалось несоблюдение Инструкции, нерадение о своих обязанностях или «непечительность его о выгодах церковных» (ст. 19). Вместе с тем и староста, по Инструкции, контролировал хозяйственную деятельность причта, в том числе и торговлю свечами (ст. 7)¹⁷, использование леса, если таковой имелся (ст. 14), и т.п. Кроме того, Инструкция категорически запрещала и причту, и старосте использовать церковные деньги на свои нужды, уносить их домой, ссужать ими кого-либо, пусть даже и другие храмы (ст. 18).

Таким образом, роль прихожан свелась к выборам старосты, тогда как их контроль за его деятельностью не носил обязательного характера и, по существу, оставался чисто декларативным. Тем самым, несмотря на утверждение ст. 1, староста становился скорее помощником причта в хозяйственных делах, нежели поверенным прихода. Но соответственно и контроль с его стороны за действиями причта, предписанный Инструкцией, оказывался иллюзорным. В этих условиях привлечь кого-либо к исполнению обязанностей старосты могли только награды и освобождение от других повинностей. Это и было обещано в распоряжении Синода, сопровождавшем издание Инструкции в 1808 г.¹⁸

Последствия реформы 1808 г. для православного прихода. Предписание передать в государственные учреждения не только ранее накопленные деньги, но и ежегодный свечной сбор, являвшийся «главным, почти единственным источником дохода» большинства приходов, «было равносильно оставлению церковей почти без всяких средств»¹⁹. По словам Д.Ф. Самарина, правительственное распоряжение можно было бы исполнить, закрыв храмы, или не исполнять, представив ложные отчёты и донесения²⁰. Неудивительно, что вскоре с ведома, а порой и «под руководством и научением благочинного» в приходах появились не только «отчётная казна», которая описывалась в приходно-расходных книгах и предъявлялась при ревизиях, но и «тёмные церковные суммы». Основную часть денег, поступавших от продажи свечей, записывали как кошелекный или кружечный сбор или не показывали вовсе, а хранили как «секретную», «тёмную», «захребетную» кассу. Так родилась приходская теневая экономика (по подсчётам Зинченко, до 1855 г. величина «тёмных сумм» ежегодно достигала не менее 3 млн руб.)²¹.

Подобная практика ни для кого не составляла секрета. Уже в 1820 г. Синод жаловался на то, что свечной сбор ежегодно уменьшается от «перечисления свечных денег в другие статьи церковных доходов и от утайки свечного дохода

ниям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. М., 1900. С. 62—64.

¹⁷ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 17а—17а об.; *К.И.* Что такое церковный староста? Опыт историко-критического исследования о происхождении и развитии института церковных старост в России. СПб., 1902. С. 12.

¹⁸ Инструкция церковным старостам... С. 9—12.

¹⁹ *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 51. См. также: РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а об.

²⁰ *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56. Подробнее о его позиции и оценках см.: *Беглов А.Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860—1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172—200.

²¹ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а—4а об., 5а об., 11а; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 809—811.

и удерживания оного частными лицами»²². Тогда же было решено начинать официальное расследование в отношении причтов и старост тех церквей, где сбор сокращался. Данное правило вошло в 1841 г. в Устав духовных консисторий. Поэтому, желая избежать докучливых расспросов и предупредить «убытки на консисторское дознание», причты и старосты непременно показывали в своих отчётах увеличение свечных доходов хотя бы на 1—2 копейки²³. В 1863 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов) писал: «Известно и прискорбно то, что в церквях не вся свечная прибыль показывается и представляется начальству, и, вероятно, в большей части церквей большая половина оной переходит в кошелевкую сумму; но священник, зная сию неверность церковных старост пред законом, принуждён терпеть её, потому что без сего многие церкви не могли бы удовлетворять своим потребностям, а также и потому, что неудобно преследовать за сие старост, и при таком преследовании не нашли бы желающих принимать должность церковных старост»²⁴. Епископ Смоленский Антоний (Амфитеатров) в середине 1860-х гг. разослал духовенству своей епархии циркуляр, в котором признавал: «Известно, что доселе свечной доход почти везде показывался не весь, а только часть его, другая же часть его или обращалась в кошелевкий сбор, или, нигде не записанная, составляла секретную сумму»²⁵.

Зинченко полагал, что в первые годы после реформы 1808 г. наличие «тёмной казны» и её размер были известны не только причту и церковным старостам, но и прихожанам. В приходе сосуществовали как бы два хозяина: официальный — причт с ограниченным в своих полномочиях церковным старостой, и неформальный — прихожане с тем же старостой, действовавшим в рамках своих прежних, освящённых обычаем полномочий. Однако закон 1808 г. «давал достаточные средства для ведавших церковно-приходскую казну отучить прихожан от вмешательства в церковное хозяйство прихода», и с 1840-х гг. старосты и причт перестали сообщать прихожанам о величине негласных сумм, которые остались в их руках без какого бы то ни было контроля. В результате росли злоупотребления и прямое воровство²⁶. Так теневое хозяйство породило, по выражению Д.Ф. Самарина, «нравственное зло» — «терпимое святотатство»²⁷.

Тонкости приходской экономики ярко описал Н.П. Гиляров-Платонов. В начале 1840-х гг., будучи студентом Московской семинарии, он занимался документацией церкви Святых Флора и Лавра на Зацепе. «Ведение приходо-расходных книг, — вспоминал Никита Петрович, — познакомило меня с колоссальным обманом, который совершался на пространстве империи заведомо для всех, не исключая правительства. По закону, тогда существовавшему (придуманному Сперанским), вся прибыль от церковной продажи свечей должна была поступать в Святейший Синод на содержание духовно-учебных

²² Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 55.

²³ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 46 об., 56; Самарин Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56.

²⁴ Цит. по: К.И. Что такое церковный староста? ... С. 15.

²⁵ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 56.

²⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а—4а об., 56 об.—6а. По мнению Зинченко, хищения на уровне благочиний, духовных правлений и консисторий начались уже в 1808 г. при изъятии приходских накоплений. При ревизии доходов и расходов Комиссии духовных училищ в 1818—1819 гг. чиновники Министерства финансов выявили крупные ошибки, нарушения и злоупотребления на всех этапах движения денежных средств (Там же, л. 46—56).

²⁷ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 57.

заведений, — “на пользу Церкви”, как значилось в заголовке графы. Теоретически было справедливо: храм не лавочка; коммерческая нажива профанирует веру и противна слову Христа, изгнавшего торжников из дома молитвы; пусть храм содержится на подаяния, собираемые в “кошелёк” и “кружку”. Но на деле ни один храм кошелековыми и кружечными сборами содержаться не может. Отсюда обман, к которому вынуждены были прибегнуть причты со старостами: количество проданных свечей, а следовательно, и прибыль с них показывались в меньшем количестве; равно утаивалось и количество огарков, остававшихся от зажигаемых свечей. Наблюдалось одно: лишь бы сумма, отчисляемая “на пользу Церкви”, оказывалась не меньше отосланной прошлым годом; хоть на одну копейку, да будь больше. Иначе потребуют объяснений, наряжено будет следствие. Я забавлялся и возвышал иногда доход всего на одну четверть или даже на одну седьмую копейки; продолжись закон хотя на сто лет, разорение невелико, придётся через сто лет заплатить лишнего один рубль, а то и того менее. Но бывали в иных церквях старосты, прибавлявшие по десяткам и даже сотням рублей сразу. Не для соблюдения правды это совершалось, а для получения медали. Доходы показывались всё-таки в уменьшенном количестве против действительного, и об этом, помимо старосты, известно было причту, ходатайствовавшему о награде, принимавшему ходатайство архиерею и самому Синоду, представлявшему старосту к медали. Кто кого обманывал? А между тем выдавались порядком шнуrowые книги, производился ежемесячно и записывался фиктивный счёт денег, книги в каждое полугодие отправляемы были на ревизию. И в них всё было ложно, насочинено от первой строки до последней²⁸.

По свидетельству мемуариста, искажение финансовой отчётности началось ещё в 1806 г., при первоначальном сборе сведений о приходских доходах. Естественно, при этом фальсифицировались не только доходы, но и расходы, а прямое хищение из «захребетных» сумм ежегодно достигало нескольких тысяч рублей²⁹.

В 1870 г. свечной сбор заменили процентным сбором со всех церковных доходов³⁰, но это почти не изменило ситуацию. В 1905 г. епископ Архангельский Иоанникий (Казанский), рассуждая в своём отзыве о необходимых церковных преобразованиях, привёл заключение одного из благочиннических собраний своей епархии: «Ввиду того, что местные церковные суммы идут на сторону, — причты, а особенно церковные старосты, соблюдая интересы церкви, стараются утаивать церковные доходы, чтобы меньшая сумма подвергалась обложению процентным сбором и чтобы в церкви осталось более средств для собственных нужд. Это — очень нередкое явление, и явление крайне прискорбное. Эти тайные, или, как называют их, “захребетные” суммы иногда, при известных обстоятельствах, становятся собственностью нечестных церковных старост или даже посторонних лиц»³¹. Таким образом, в 1900-е гг. положение мало отличалось от того, на что жаловался Синод в 1820-е гг., наблюдал Н.П. Гиляров-Платонов

²⁸ *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Т. 2. СПб., 2009. С. 19—20.

²⁹ Там же. С. 20—22.

³⁰ См. подробнее: *Беглов А.Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви.* 2014. № 2(57). С. 56—81.

³¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. М., 2004. С. 446—447.

в 1840-е гг., отмечали архиереи в 1860-е гг. По словам публициста начала XX в., «преступное, можно сказать, ведение всего церковно-приходского хозяйства при помощи “белых и чёрных книг”, сделалось “притчей во языцех” и известно всему православному люду на Руси»³².

Не менее значимы были социально-психологические последствия реформы 1808 г. По мере того как слабело участие прихожан в церковном хозяйстве, нарастало их охлаждение к интересам приходских храмов, уменьшалось доверие к церковной администрации, а это в свою очередь сказывалось и на объёме пожертвований. Как сообщал в 1824 г. своему архиерею один из благочинных Казанской епархии, прихожане стали «приметным образом подаванием останавливаться»³³. И это было вполне логично, поскольку средства, собираемые с приходов, шли на финансирование духовных учебных заведений, которые в то время носили не общецерковный, а сугубо сословный характер³⁴. В итоге, по словам Зинченко, «Инструкция новым церковным старостам была клином, вбитым в живое тело прихода, произведшим в нём хотя незначительное на первый раз разделение, но пагубное по последствиям: она внесла разлад между пастовою и пастырями, создала для последних фальшивое положение в приходе и сделала их двуличными... При возникавших пред 19 фев[раля] волнениях в крепостных приходах обнаружилось полное разобщение между приходом и приходским священником, который относим был народом к числу таких же своих неблагожелателей, как помещик, становой пристав и другие государственные чиновники»³⁵. В период первой революции публицист и общественный деятель Н.Д. Кузнецов говорил, что прихожане всё чаще видят в клириках «людей, извлекающих из своего положения выгоду и средства к жизни». Более того, «такой взгляд заражает и само духовенство»³⁶.

Одновременно реформа 1808 г. привела к атрофии приходских институтов. Приходское собрание могло лишь выбирать старосту, который не был ему подотчётен. Институт уполномоченных прихода при проверке церковных сумм фактически не прижился. В 1863 г. состоявшее из высших иерархов и светских сановников Присутствие по делам православного духовенства констатировало: «Существуют только в каждой местности, т.е. при каждой приходской церкви, учреждения для участия прихожан в попечении о нуждах церкви и духовенства, выразившиеся в установлении звания церковных старост... Но учреждения сии, подчинённые многим формальностям и всем инстанциям духовного управления, а по отчётности и ответственности их состоящие под влиянием чиновников консисторий, несмотря на продолжительное своё существование, не довольно привлекают к себе сочувствия со стороны общества прихожан. Иногда с трудом составляется сколько-нибудь полное собрание прихожан для самого выбора церковного старосты; к ежемесячному счёту церковных денег обыкновенно не является никто из прихожан, кроме чрезвычайных случаев и особенного призыва; лица, действительно усердные к церкви, не всегда решаются принять на себя звание церковного старосты, а привлекаемые в оное

³² [Ланков А.А.] Докладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902]. С. 6.

³³ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 60—62.

³⁴ Там же. С. 59; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного присутствия. Т. 4. СПб., 1907. С. 125 (2-я пагин.).

³⁵ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 5а об., 7а.

³⁶ Журналы и протоколы заседаний... Т. 4. С. 125 (2-я пагин.).

особыми видами и надеждою поощрений не могут приносить всей ожидаемой от них пользы. Такое равнодушие прихожан к делам своей церкви, очевидно, истекает из полнейшего их безучастия в хозяйственном её управлении. Несмотря на то что все расходы по богослужению покрываются средствами прихода, сей последний не только не имеет никакого участия в распоряжении суммами, но даже и не знает об их употреблении. Право присутствовать при ежемесячном счёте церковных денег не только не может быть признано преимуществом, но даже равняется тяжкой обязанности, ибо известно, что, по общему закону, за целость сумм ответственуют все участвовавшие в свидетельствовании оных. После этого понятно то уклонение от счёта церковных денег, которое замечается повсюду. Понятно также, почему до сих пор церковные старосты почти нигде не исполнили возложенной на них 13 пунктом инструкции 1808 года обязанности заводить при церквах дома для жительства священно-церковно-служителей»³⁷.

Протоиерей Александр Иванцов-Платонов писал в начале 1880-х гг., что приходское собрание, хотя и не запрещено, но собирается не чаще, чем раз в три года, лишь для соблюдения формальности, приглашение прихожан для осмотра денежных средств храма «почти нигде не соблюдается, да и самые ежемесячные проверки церковных сумм в большей части приходов совсем не производятся»³⁸. В 1890 г. Зинченко утверждал, что Инструкция церковным старостам имела для жизни приходов самые пагубные последствия и «являлась актом, лишаящим их самостоятельности и самодеятельности»³⁹. Характерно, что в неприятии Инструкции 1808 г. были единодушны как близкий к Победоносцеву Зинченко, видевший в синодальном управлении естественное продолжение порядков допетровской Руси, так и славянофил Д.Ф. Самарин, категорически не принимавший эту систему именно как искажение древнерусского идеала отношений Церкви, общества и государства. К началу XX в., как заявлял Кузнецов, «подрыв всякого значения в приходе начала церковно-общественного, отсутствие какого-либо объединяющего дела и забот на пользу общую сопровождалось тем, что русские люди сделались совершенно не способны рассматривать себя в качестве членов известного прихода и сознавать хоть какую-либо нравственно-духовную связь с другими людьми, принадлежащими к тому же приходу»⁴⁰.

У реформы 1808 г. были и иные, не столь масштабные, но не менее болезненные последствия. Комитет и Комиссия духовных училищ первоначально надеялись за счёт собранных с приходов и помещённых под проценты на государственное хранение средств не только финансировать систему духовного образования, но и обеспечить причты постоянным жалованьем. Однако в усло-

³⁷ Цит. по: *Папков А.А.* Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 7—8. О Присутствии подробнее см.: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860—1870-х годов). М., 1999. С. 246—268. Схожее мнение высказывал и главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии барон М.А. Корф (*Папков А.А.* Указ. соч. С. 18—25).

³⁸ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. Двенадцать статей из № 1—16 газеты «Русь» 1882 года. СПб., 1898. С. 53—55.

³⁹ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 1 об.—16 об. Правда, Зинченко признавал, что реформа 1808 г. в определённой степени была полезна для приходов, состоявших из крепостных крестьян, поскольку хотя бы юридически выводила церковное хозяйство из-под власти вотчинника.

⁴⁰ Журналы и протоколы заседаний... Т. 4. С. 125 (2-я пагин.).

виях возникшего сопротивления от этого пришлось отказаться⁴¹. Да и многие семинарии уже в 1830-е гг. находились в бедственном положении «за совершенным недостатком материальных средств для их содержания»; их здания ветшали без необходимого ремонта, учащиеся жили в малопригодных для этого помещениях, часто в антисанитарных условиях⁴². Наконец, с «крайним худосочием» прихода и падением авторитета приходского духовенства современники напрямую связывали распространение сект⁴³.

В целом же, при разработке и реализации реформы 1808 г. в полной мере проявился утилитарный подход государства к Церкви и, в частности, к приходу, который, по словам Зинченко, был приведён «в положение *крепостного*» по отношению к церковной администрации, составлявшей «одну из отраслей государственной жизни»⁴⁴.

⁴¹ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 809—811; РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 5а об.

⁴² Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 58; Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 325—373; Смолич И.К. Указ. соч. С. 452.

⁴³ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 12а об.

⁴⁴ Там же, л. 8б, 9б об. Выделенное курсивом слово в документе подчёркнуто.